

Н. Гоголь

Письма 1846–1847 годов

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Г58

Г58 **Гоголь Н.В.**
Письма 1846–1847 годов / Н. Гоголь – М.: Книга по Требованию, 2021. –
426 с.

ISBN 978-5-4241-1528-8

ISBN 978-5-4241-1528-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Н.В. Гоголь, 2021

Николай Васильевич Гоголь
ПИСЬМА 1846–1847 ГОДОВ

А. П. ТОЛСТОМУ

Рим. 2 января <н. ст.> 1846

Меня также тронуло много ваше письмо: в нем столько участия и доброты! Что сказать вам о моем здоровье? Велик бог, посылающий нам всё! — это должны мы говорить ежеминутно. Вот вам мое нынешнее состояние: я зябну теперь до такой степени, что ни огонь, ни движение, ни ходьба меня не согревают. Мне нужно много бегать, чтобы сколько-нибудь согреть кровь, но этого теперь нельзя, потому что совсем ослабели и ноги, и силы, жилы болят и пухнут. При этом начались запоры и прекращение всяких отправлений. Но благодаря милосердного бога, что, несмотря на невыносимо-болезненное чувство, [невыносимое чувство] которое слышит всё мое тело, находящееся вечно в лихорадочном [в этом лихорадочном] состоянии, ни хандра, ни скорбь еще не находили на меня. Я худею, вяну и слабею и с тем вместе слышу, что есть что-то во мне, которое по одному мановению высшей воли выбросит из меня недуги все вдруг, хотя бы и смерть летала надо мной. Да будет же во всем святая воля над нами создавшего нас, да обратится в нас всё на вечную хвалу ему: и болезни, и недуги, и всё существование наше да обратится в неумолкаемую песнь ему! Благодарю вас много и много, добрейший мой Александр Петрович, за ваши молитвы обо мне, поблагодарите также и графиню. Ваши молитвы, именно [особенно] ваши, мне нужны. Сердце мое говорит мне, что вы так обо мне помолитесь, как никогда еще ни о ком не молились, и низведут ваши молитвы благодать [утешение] и милость бога обоюдно и на меня, и в вашу собственную душу. Бог весь милость и чуден в милостях своих. О государе вам мало скажу. Я его видел раза два-три мельком. Его наружность была прекрасна, и ею он произвел впечатление большое в римлянах. Его повсюду в народе называли просто Imperatore, без прибавления: di Russia, так что иностранец мог подумать, что это был законный государь здешней земли. О чем был разговор с папой, это, разумеется, [без сомнения] неизвестно, хотя, впрочем, следствия, вероятно, будут те, каких и ждали, то есть умягчение мер относительно к католикам. Донесения гонимой униатки оказались ложью, и она созналась, что была уже подучена потом вне России польской партией. К художествам и к искусствам государь был благосклонен. [милостив] Показал вкус в выборах и в заказах и даже в том, что заказал немного. Помощь, оказанная бедным, тоже сделана с рассмотрением. Бог да спасет его и да внушит ему всё, что ему нужно, что нужно истинно для доставления счастья его подданным! [В подлиннике: подданным; далее не отмечается.] Если он молится и если молится так сильно и искренно, как он действительно молится, то, верно, бог внушит ему весь ход и надлежащий закон действий. «Сердце царя в руке божией», — говорит нам божий же глагол. И если медлит когда исходить [И если все медлит исходить] от царя всем очевидное благо, то, верно, так нужно, так нужно, мы стоим того за грехи наши, верно, далеко недостойны еще. Помолимся же вновь, добрый друг мой Александр Петрович, о том, да преклонится бог на милость ко всем нам, да снимет законный и праведный гнев свой на всё поколение наше и всё простит нам, показав, что нет на свете грехов, которые в силах бы были пересилить его милосердие. Обнимаю вас, а также и графиню. Прощайте. Напишите о себе и о здоровье. Не смущайтесь никакими препираниями о церквях и тем, что совершается в мире. Время теперь молиться, а не препираться. Одной

молитвы от всего сокрушенного сердца нашего требует бог, слез и воздыханья от самой глубины души нашей.

Весь ваш Г.

О гр<афах> Вьельгорских могу вам сообщить только то, что они, слава богу, все и здоровы, и довольны, в хорошем состоянии душевном. Лорнетку для вашего брата мне обещал Мих<аил> Мих<айлович> отправить в Варшаву, но исполнил ли или позабыл — не знаю. Советую вам написать к нему, тем более, что вы должны спросить о цене и что ему должны за нее.

Поздравляю вас с наступившим здешним новым годом и преддверием наступающего нашего нового года. Да обратит его бог нам всем в великое благо.

На обороте: Paris. Son excellence monsieur

le comte Alexandre Tolstoy.

Paris. Rue de la Paix, № 9. (Hôtel Westminster).

Ю. Ф. САМАРИНУ

Рим. 3 января <н. ст.> 1846

Я всё ожидал от вас письма, которое вы, по словам Ал<ександры> Осиповны, собирались писать ко мне, но, видя, что этого письма от вас мне не дожидаться, пишу сам. Пишу наугад (темы для письма вы мне не дали). Во-первых, я рад, что сошлись с Алек<сандрой> Осиповной. Вы — человек молодой, это первая женщина, которая заговорила с вами языком души, и потому весьма естественно, что вы почувствовали к ней, может быть, даже расположение сильней, чем дружественное. [сильней обыкновенных] Так и должно быть (говорю всё это наугад). Но чувство это обратится для вас в святое, сохранит и сбережет вас на всю жизнь. Вы были ненадежны, и странно, что это говорил всяк, в первый раз вас видевший. Почти всяк был уверен, что все прекрасные чувства, вас одушевлявшие, [В подлиннике: отдушевлявшие; далее не отмечается.] будут в вас недолговременны и что вы непременно изменитесь в свете; почти то же думал и я. Но теперь я за вас не боюсь, вы спасены; спасла вас сестра и любовь во Христе, которую вы отныне будете к ней питать и которую будете питать потом ко всем. Вы в свете. Вы можете много сделать для света. Свет, среди которого вы теперь, не развратен в своем корне и существе, но развратен от тоски и скуки, болезненно-вял и от нечего делать пуст и глуп. Будьте везде и повсюду. Будьте веселы, живы, умны, занимательны для всех и простодушно-добры ко всем. Больше всего обратите вниманье на женскую половину: там скорей, живей и лучше сеются я принимаются семена. Старайтесь, чтобы после всякого разговора с вами каждая становилась добрей [умней] душой и, хотя на сколько-нибудь, лучше, чем была до вашего разговора. Им еще много можно сказать тех вещей, над которыми мужская половина уже смеется. Будьте или, по крайней мере, старайтесь быть постоянно интересны и занимательны для мужчин. Не говорите им о тех вещах, над которыми они уже смеются. Не старайтесь блеснуть перед ними чистотой каких-нибудь нравственных начал и прекрасных, глубоких истин души; напротив, скрывайте даже их в себе при них. Но старайтесь, вместо всего, более узнать природу каждого из них, старайтесь заметить и открыть во всяком именно ту способность, которая в нем создана быть главной и находится в дремлющем состоянии; укажите ему на нее. Возвысьте перед ним его же достоинство и попрекните его, зачем он пренебрег и оплевал его; [зачем он не достоин себя] старайтесь его навести только на деятельность и труд, именно тот, для которого [к которому] у него таятся сокровенные силы, и он будет спасен и будет признателен вам, как брат, и будет доступен потом ко всему прекрасному, какое [что] вы захотели бы потом внушить ему и к какому он не доступен еще теперь. Вот всё, что я могу вам теперь сказать в моем [при моем] болезненном и бессильном состоянии и притом наугад, еще не зная ваших душевных обстоятельств. Дайте мне ответ на это письмо и напишите мне всё, что бы хотела сказать душа ваша родному брату в смысле душевном. Тогда, может быть, бог поможет мне точно быть чем-нибудь вам полезным.

Любящий вас искренно и всею душою

Гоголь.

Напишите мне ваш адрес: ваше имя я знаю, но отчества не знаю, присовокупите также и его. Мой же адрес: Via de la Croce, № 81, 3 piano.

На обороте: Самарину от Гоголя.

С. М. СОЛЛОГУБ

Генваря 3 <н. ст.> 1846. Рим

Благодарю вас за ваше письмо, по обыкновению всегда для меня очень милое и очень приятное, и за все известия, которые также все до единого мне были тоже очень приятны и порадовали меня в моем хвором состоянии. Мысль ваша писать самой книжки для беби весь-ма умна; кто же, кроме самой матери, может написать что-нибудь лучше для дочери? Я рад, что в Влад<имире> Александр<овиче> пробудилась деятельность писателя. Не позабудьте мне прислать всё, что ни выйдет из-под пера его. Теперь же это так легко: курьеры ездят всякую неделю из Петербурга. Поручите Матвею Юрьевичу, он это сумеет сделать. Можете также адресовать на имя здешнего секретаря Устинова. «Тарантас» в печати мне еще больше понравился, чем прежде в рукописи, хотя я успел прочесть его довольно бегло и, к сожалению, не имею у себя под рукой экземпляра. О себе, то есть о здоровье моем, скажу вам только то, что я забну до такой степени, что не нахожу уже никаких средств согреться. Сначала было мне немного лучше. Но да будет во всем воля божия! Что ни делается с нами, то делается не без нее, а она стремится всё, и недуги и страданья, обратить нам во благо. Да будет же во всем эта святая и чудная воля! Передайте эти письма или, лучше, записочки, при сем прилагаемые, по принадлежности. Молитесь обо мне и не забывайте меня, милый друг мой! Обнимите вместо меня всех ваших, которые также суть в то же время и мои, начиная с граф<ини> Луиз<ы> Карл<овны>, Михаила Юрьев<ича>, Матв<ея> Юрьев<ича> и до Веневитинова, включая туда же и всех прекрасных малюток.

Весь ваш.

Адрес мой не забывайте: Via de la Croce, № 81, 3 piano.

Поздравьте от меня себя и всех вас с наступающим новым годом.

В. А. СОЛЛОГУБУ

<3 января н. ст. 1846. Рим.>

Благодарю вас, Владимир Александрович, за вашу милую приписочку в письме к Александре Осиповне, за память обо мне и за дружеское посвящение мне вашей Воспитанницы, которая, вероятно, и умна и хороша. Я прочел ваш «Тарантас» еще с большим удовольствием в печати, чем прежде в рукописи. У вас всё зреет вместе: и ум, и слог, и наблюдательность, и мысли. Вам нужно только не останавливаться и писать. Всё будет у вас обдумываться, соображаться и устраиваться во время самого писания. Христа ради, не давайте заснуть вашей деятельности на этом поприще. Вы тут более и более будете находить утешения и жизни настоящей. Всё вас обманет, и жизнь, и свет, и все привлекаемости, привлекающие других людей; но на этом поприще вас ничто не обманет, потому что это ваше законное поприще, и тут выполнять вы будете именно то, что определено свыше выполнять вам. Не пренебрегите ни этими словами вашего хворого и хилого ныне собрата, который, несмотря на свою собственную хилость, от всей души желал бы, чтобы совет его дышал здоровьем, силою на всех его собратий.

Искренно желающий вам всякого добра и любящий вас Г.

Я просил уже Софью Михайловну и вновь прошу также вас о присылке мне всех выходящих ваших сочинений.

А. П. ТОЛСТОМУ

Рим. Генваря 8 <н. ст. 1846>

Податель сего письмеца есть архитектор наш Иванов, которого вы, может быть, уже знаете и ради которого я беспокою вас убедительно просьбою дать ему (если у вас случатся) денег на проезд в Рим. Проезд этот, разумея в художественном смысле, с осматриванием всех архитектурных памятников, стоит издержек. Из Академии им до сих пор еще не выслали следуемых денег, а он бы не хотел из<-за> этого потерять даром драгоценное время. Если вы можете его ссудить от 500 до 1000, то сим крайне обяжете как его, так и брата его, знаменитого нашего и решительно первого живописца, поборника и защитника иконной живописи, который крайне заботится и беспокоится с примерной братской любовью о своем брате [о нем] и просит меня обо всем этом убедительно. С ним вы можете переслать мне книги и всё, о чем просил вас. Здоровье мое, как и всех нас, в руках божиих. Хотел бы обнять вас лично, крепко и сильно благодарить за всё и поговорить с вами, добрейший и близкий моему сердцу Александр Петрович. Много бы дал, чтобы увидеть вас здесь, в Риме, где всё уже совершенно успокоилось, стало привольно, уединенно и тихо, так что можно сказать, что здесь теперь одни болящие и недужные, в числе которых находится и ваш грешный богомолец, нуждающийся попрежнему в ваших молитвах.

Н. Г.

Графине мой душевный и дружеский поклон. Благодарю обоих много и много за то, что вынимае частицы обо мне, молитесь<сь> обо мне и просите других обо мне молиться. Попросите доброго священника нашего от меня (передавши ему мой искренний поклон) отслужить обо мне молебен о ниспослании сил мне душевных и телесных на совершение того труда, который нужней и нужней, чем дале, становится в нынешнее время [сегодня] и который хотел бы совершить быстрее и умней и во имя божие.

Поздравляю вас обоих с наступающим нашим новым годом.

На обороте: Son excellence monsieur le c-te

Alexandre Tolstoy.

Rue de la Paix, 9. Paris.

Н. М. ЯЗЫКОВУ

Генваря 8 <н. ст. 1846>. Рим

Два письма твои в Рим (одно без числа, другое от ноября 21) я получил; благодарю за них, за участие и за некоторые известия, хотя их и немного. Я порадовался тому, что Шевырев готовится к печати свои лекции, которых я жду с нетерпением, и что у Аксакова Ивана есть талант. Я писал к отцу, чтобы прислал мне его стихов; напони и ты или, лучше, пришли сам: я думаю, работа будет небольшая приказать уписать мелким шрифтом [В подлиннике: штрифтом] на листе почтовой бумаги всё. Известие о переводе «Мертвых души» на немецкий язык мне было неприятно. Кроме того, что мне вообще не хотелось бы, чтобы обо мне что-нибудь знали до времени европейцы, этому сочинению неприлично являться в переводе ни в каком случае до времени его окончания, и я бы не хотел, чтобы иностранцы впали в такую глупую ошибку, в какую впала большая часть моих соотечественников, принявшая «Мертвые души» за портрет России. Если тебе попадется в руки этот перевод, напиши, каков он и что такое выходит по-немецки. Я думаю, просто ни то, ни сё. Если случится также читать какую-нибудь рецензию в немецких журналах или просто отзыв обо мне, напиши мне также. Я уже читал кое-что на французском о повестях в «Revue de Deux Mondes» и в «Des Débats». Это еще ничего. Оно канет в Лету вместе с объявлениями газетными о пилюлях и о новоизобретенной помаде красить волоса, и больше не будет о том и речи. Но в Германии распространяемые литературные толки долговечней, и потому я бы хотел следовать за всем, что обо мне там ни говорится. О римских новостях не знаю, что тебе написать; меня, по крайней мере, они не интересуют. Самое важное из происшествий был приезд нашего царя. Я полюбовался им только издали и помолится в душе за него. Да поможет ему бог устроить всё к лучшему на Руси нашей! Здоровье мое вначале было поправилось значительно, теперь расклеивается вновь; я забну до такой степени, что не нахожу средств согреться. Сначала было я прибежал к беготне, которая мне помогала; но теперь ноги начинают болеть и отказываться. Но да будет во всем божья воля! Жду от него одного только помощи, его одного только средства действительны и могут излечить меня. Ему же поручаю и тебя. Да устроит он всё в нас ими же весть судьбами и обратит все недуги наши в добро, для которого, верно, и вызваны они в нас! А ты напиши мне подробно и обстоятельно все твои нынешние припадки, мне это нужно. Затем обнимаю, прощай.

Твой Г.

Адрес мой: Via de la Croce, 81, 3 piano, а ты напиши мне свой.

Поздравляю тебя с наступающим нашим новым годом. Да будет он нам благодарней и чудотворней всех годов и да восчувствуем в нем всю благодать и милость бога!

Если что найдется прислать, пошли к Вяземскому или к графине Вельгорской (на Михайловской площади, в собственном доме) с тем, чтобы они отправили с курьером, которые теперь ездят всякую неделю в Палермо и в Рим.

Спроси у Шевырева, получил ли он письмо мое от двадцатых чисел декабря. На обороте: Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. На Кузнецком мосту, в доме Хомякова.